

**ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ
КАК СМЫСЛОЖИЗНЕН-
НОЙ ИНТЕНЦИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
БЫТИЯ**

Проблема статуса ценности как смысложизненной интенции человеческого бытия, ее соотношений с такими проявлениями человеческого духа, как устремления, мотивации и цели и т.д., думается, не является еще достаточно проясненной. Ведь имеются существенные различия в понимании природы самих ценностей. В аксиологии, в частности, под ценностями подразумевается все, к чему устремляется субъект, любая цель, которой он добивается или стремится достичь. Мотивы, интересы, влечения также часто относят к главным жизненным смыслам. Хотя достаточно эмпирического наблюдения, чтобы заметить, что частные интересы и конкретные цели индивидов, достигая определенного удовлетворительного результата, осуществления, гаснут и не возрождаются вновь на почве собственных исходных позиций.

В то время как ценностный смысл, принятый конкретным индивидом как смысл всей его жизни, через что он ощущает себя как человека, в его представлении идентифицируется как с чем-то истинно человеческим, каким бы ни было его содержание. Такая ценность есть нечто сущностно реальное в нем и действует как должное в нем, не исчезая, не исчерпывая свою действенность в каждом конкретном целевом акте и действии, даже если достигает определенных форм осуществления, удовлетворения, принимает бытийные очертания. Действенность духовно рефлексивной ценности есть постоянная обращенность к себе, возвращение к себе через весь круг духовных и бытийных отношений и актов, но круг его не замкнут, а открыт, в принципе, всему многообразию творческих смыслов, открыт также и для новых возможностей, чтобы сделать смыслом жизни уже иной смысл, изменить свое глубинное основание. Человек есть субъект, свободно творящий и выбирающий неповторимый смысл, по которому он строит свое особое индивидуальное бытие, осуществляет в поступках и действиях духовное содержание своей глубинной интенции.

Однако чтобы проявиться в поступках и действиях человека, обрести бытийные формы, ценностный смысл как всеобщее основание, видимо, должно и находит свое выражение в содержаниях более конкретных мотивов, продолжаемых и направляемых ценностной интенцией личности. Думается,

можно предполагать, что мотивы, имеющие духовно-душевное происхождение от ценностных установок, являясь средствами их выражения, все же ближе к формам бытийного проявления. Они есть такие формы, в которых выражается ценностное отношение в конкретной ситуации, обстоятельствах жизни, а также отношение к бытию другого и других, к формам и установкам всего общества, социума.

О мотивах как главных побудительных силах психической жизни индивида рассуждал З.Фрейд, основоположник психоанализа. И хотя он часто сводил мотивы к влечениям инстинктивного характера, однако в практическом анализе неврозов пытался найти их глубинное содержание и подчеркивал, что многие скрытые мотивации имеют психический смысл, а их противоположно направленные значения приводят часто к внутриспсихическому конфликту и подавлению одних мотивов другими [1, с. 182-192]. Наличие наблюдаемых в душах индивидов внутренних противоречий и конфликтов, составляющих предмет теории и практики психоанализа и других направлений психологии, показывает нам, что основу духовно-психической интенции, содержание Я человека, видимо, может составлять не всегда только одна единая ценностная установка и ее смысл, а в его душе могут укорениться принятые им разные ценности, две или более одновременно так, что их значения и смыслы не всегда могут совпадать, а иногда быть взаимно противоположными и даже несовместимыми. Разнонаправленные ценностные установки в душе индивида приводят к конфликтной ситуации, так как оба для него дороги и приняты им самим, а когда конфликт не находит приемлемой формы разрешения, некоторые его установки, ценности и выражающие их мотивы и цели могут вытесняться и в результате не осознаваться индивидом, не теряя однако в нем действенной силы, они не перестают быть душевной реальностью, истинной сущностью человеческого Я, хотя на поверхности, в осознанном поведении и действии могут быть представлены в замещающей его искаженной форме, часто противоположного по смыслу характера. В такой искаженной форме внешне они могут выглядеть не противоречащими другим установкам личности, скорее всего тем, которые оказывают вытесняющий эффект.

В иных случаях не исключено наличие в душах индивидов целой иерархии ценностей, существующих между собой, среди которых высшая, наиболее значимая, главная ценность

может дополняться близкими ей по интенции ценностями. Они (ценности) также не обязательно осознаются индивидами, скорее, чаще бессознательны, но не всегда в результате противоречий и вытеснений, а, видимо, потому, что они возникают и формируются, выбираются индивидом не как четко поставленная, ясная для него задача (П. Рикер) [2]. Они имеют рефлексивную деятельность скорее в самых глубинах бессознательной души, их творение и выбор не секундно решаемый, а глубоко чувственно переживаемый процесс.

Глубинная ценностная установка, выражаясь в мотивах личности находит выход во внешних ее бытийных проявлениях, воплощаясь в целях, практических действиях, поведении и поступках, которые несут в себе смысл и направленность главной интенции, главного рычага, побудительной силы. По отношению к целям мотивы имеют более всеобщий характер. Цели, достигая своего результата, могут стать конечными. Мотив же побуждает к новым целям в меняющихся жизненных ситуациях.

Мотивы могут быть удовлетворены, цели могут быть достигнуты. Многие мотивы и цели после их реализации угасают, они уже не маячат впереди, как то, к чему всегда стремятся. Из состояния должного они переходят в состояние сущего, следовательно, перестают быть должным.

В отличие от них ценности суть такое должное, которое, будучи даже реализованным, не перестает быть должным, ибо оно не завершается каждым актом реализации. Реализованные в данном акте, они из этого акта снова рождаются как должное, ибо ценности как должное реализуются во всех актах жизни, пока они сохраняются как ценности и в то же время результатом их воплощения может быть только вся жизнь человека. Воплощенность в жизни, на каком бы уровне ни находилась, не может являться гарантией того, что ценность уже в следующем акте будет подтверждаться. Такой гарантии вообще не существует, ибо в каждом следующем акте человек может не подтверждать ее, может заменить их другими или отказаться от каких-либо ценностей вообще.

Ценность, поскольку она и образует глубинный смысл, имеет всеобщий характер для каждой души, сделавшей некую ценность смыслом своей жизни, для каждой своеобразной культуры.

Всегда осуществляемые ценности, тем не менее, остаются еще не осуществленными, они никогда не теряют интенции быть осуществленными. Мотивы, цели, желания, стремления и воля и

т.д., по-видимому, являются теми конкретными формами, в которых ценности получают свое выражение или суть как бы ступени в ее движении в сторону реализации. И все формы, в которых, так или иначе, они реализованы, кроме их непосредственного содержания и через их непосредственные содержания просвечивает их ценностное ядро. Реализованные формы представляют собой бытийно-символические формы ценности, которые говорят об их глубинном смысле и намекают на него. Способы и механизмы общения людей между собой неизбежно пересекаются через эти формы и по существу, наверное, возможны только в них. Ведь символ есть то, что своей формой, штрихами или какими-то признаками адресует на некий смысл. Разумеется, то, что адресуется непосредственно от индивида к индивиду, может быть взаимно понято, только если сообщаемое конкретное содержание является лишь частью общего им смыслового пространства и то, что скрывается за ними. Этой смысловой настроенностью всей души каждого индивида, входящего в данную культуру и создающего и поддерживающего всю эту атмосферу, определяется и логика его мышления – специфическая логика каждой своеобразной культуры. Именно поэтому логика мышления индивида, его поступков, в конечном счете, понятна индивидам этой же культуры и может оказаться непонятной индивидам другой.

Не отрицая определенное значение противоречия между природными (сексуальными преимущественно) и социальными устремлениями людей в происхождении бессознательного, можно отметить, что именно ценности занимают то место, которое З. Фрейд отводит сексуальному. Фрейд был прав, когда за симптомами, речами, фиксированными поступками искал то, что в них получает выход, имеет свое отдаленное, часто очень искаженное, даже некое совершенно противоположное выражение в таких процессах, как замещение, перенесение, покрывающее воспоминание и т.д., когда нечто случайное, сопутствующее основному обстоятельству, остается в памяти особенно четко. Именно в силу внутренних противоречий мотивов определенный смысл покрывается часто такими многослойными завалами, через которые он, пусть даже в неузнаваемо искаженном облике, но все равно как-то пробивается.

Так понимаемая ценность может быть только обретением и творением самого человека, результатом его выбора, притом – каждодневного выбора, который надо совершить каждый раз,

предпринимая новый поступок. При всем при этом парадоксальным является то, что содержание, смысл, обладающие столь определяющим значением в жизни человека, если не всегда, то довольно часто оказываются столь же ничтожными, случайными, так сказать своекорыстными, направленными против других людей. И это можно утверждать не только относительно отдельных людей, но и целых народов, больших цивилизаций. То, что выбирают люди, что они делают смыслом своего существования и бытия, характеризует их субъектный уровень, независимо от того, проходит ли он на уровне бессознательного или осознается субъектом в полной мере.

В то же время из всего того, что выбирает человек, ценностный выбор отличается тем, что через него именно человек чувствует себя человеком, независимо от его содержания или онтологической значимости. Ибо, нечто, пусть даже самое ничтожное, будь то, что данный индивид физически более силен, чем другие, красивее, обладает богатством, имеет некие связи, причастен к некоему считающемуся престижным кругу, соответствующий стиль поведения и т.д. и т.д., которые варьируются, начиная от особенностей субъекта и кончая особенностями той или иной культуры, если они приняты индивидом в качестве смыслообразующей ценности, то именно через их наличие он будет ощущать себя человеком в большей мере, чем те, которые ими не обладают. И каждая из них может лежать в основе соответствующего устроения людей. И ради такого смысла люди часто жертвуют многим, а иногда даже и жизнью и свободой.

Ведь ценности – это определенный путь жизни, некий способ бытия человека в мире, можно сказать, выбранный людьми образ жизни, а не некая вещь, не то, что годится только как некое средство. Именно в этом качестве они могут являться тем, с чем люди, им следующие, отождествляют себя как людей. Они суть то, чем являются люди данной культуры, ибо в их восприятии, представлении и понимании людьми в собственном смысле могут являться лишь те, что живут ради данной ценности. Они суть те, которые идут по данному жизненному пути.

Именно как определенный способ или путь жизни ценности не могут быть даны или навязаны им внешним образом. Они, если они имеются у людей, есть результат их свободы, возможности выбора.

Будучи наиболее всеобщими по отношению к мотивам и целям, ценности, по-видимо-

му, выражают в них свой смысл не всегда прямо и непосредственным образом. Так, ведущие ценности западной цивилизации с эпохи Нового времени, господства абсолютного субъекта, направленные на власть, силу и господство, становятся высшим приоритетом и могут в каждой индивидуальной душе, принявшей такую ценность, выражаться в различных содержаниях мотивов. Ценностный смысл господства и силы может найти выражение, например, в мотивах превосходства над другими в чем-либо, в чувстве того, что некий индивид занимает высшую должность, чем иные, достиг лучших результатов, имеет успех и т.д. Богатство в эту эпоху обретает особый статус, выступая главным мериллом силы и превосходства самоутверждающегося таким образом человека. Из средства существования оно преобразуется в средство власти.

В условиях развитого индустриального общества, где уровень материального производства обеспечил и поднял уровень жизни многих, как утверждает Э. Фромм, все больше возрастает потребность иметь [3]. Стремление к богатству как ценность жизни, главный лейтмотив продолжает реализовывать себя в стремлении иметь как можно больше и лучше, превращаясь в бессмысленную гонку, где смысл потребления служит не обеспечению необходимых нужд существования и развития, а является потреблением ради потребления. Стремление иметь становится главной целью и самоцелью, обеспечивая глубинную интенцию господства и превосходства, служит ее средством. Хотя внешним образом это может выглядеть по-другому, стремление иметь может осознаваться в целях необходимости существования.

Точно так же, как отмечает тот же Э. Фромм, индивидами в этой культуре часто овладевает стремление к успеху [3]. Успех в смысле превосходства над другими все время подстегивает человека держаться на гребне успеха, престижа, славы, удачливости, а не на подмостках жизни или по крайней мере выглядеть успешным. Однако капризы логики движения успеха неподконтрольны и его можно в любой момент потерять. Поэтому любое невезение или неудача, когда успех покидает как кажется человека, это воспринимается и переживается им и другими как его поражение, слабость, главное устремление как бы переживает фрустрацию. Конечно, все эти чувства имеют место не у всякого индивида, а, скорее, у тех, у кого главным ядром души становится стремление во что бы то ни стало превосходить, иметь силу.

В Новое время получили развитие также многие иные общечеловеческие ценности, но речь здесь идет о ценностно-смысловых устремлениях, ставших ведущими в этот период и потеснивших многие иные духовные тенденции. Средствами осуществления господства нового человека над природой, миром и другими людьми и в чем он особенно может удостовериться в своей абсолютной власти, считает М. Хайдеггер, являются наука и производство, все более совершенствующаяся техника. Конечно, стремление научно познавать мир и самого себя само по себе содержательно и может составлять ценность и во многих культурах, эта ценность имеет самодовлеющий характер. Но в западной цивилизации особенно в эту эпоху согласно Хайдеггеру, такое стремление служит более ведущей ценности – установлению власти человека, удостоверяющего истинность всего через самого себя, утверждающего свой мир и свое видение мира как истину в последней инстанции. Поэтому результатом глубинных установок западного мира в метафизическом смысле может в конечном счете стать не знающая границ абсолютная воля человека или воля к власти, воспетая Ф. Ницше в его учении о власти как верховной универсальной ценности, лежащей в основе всего сущего, особенно человека (понимаемого ницше как тоже сущее), он считает логическим завершением западной метафизики [4].

Ценностный смысл, дифференцируясь в различных видах мотивов, получает более определенную конкретизацию в целях индивидов. Наш взгляд, цели индивида, как главные, так и периферийные, большие и малые, в которых он видит способ достижения и удовлетворения душевно-духовных интенций, все они выстраиваются в соответствии с глубинным ценностным смыслом, черпают из него свою энергию и направленность. Цели могут быть конечно, многообразными и многообразными по своему предназначению, но совершаются они каждым индивидом ради того, что видится смыслом всей жизни, представляется достойным и должным быть. В целях глубинный смысл находит свое бытийное очертание, разворачивает свою логику, выражаясь в различных формах дискурса – в языке, поведении, способах деятельности и общения, методах и подходах, и наконец, в общих совместных результатах, в которых представлена конкретность отдельной культуры. В нормах и традициях культуры как результатах человеческого взаимодействия и общения можно распознать общую направленность, ведущие

тенденции духовных устремлений ее представителей, ту общую объединяющую их интенцию и жизненный смысл, который, покуда он жив и долженствует в их душах, сохраняется дух народа или идея эпохи, их своеобразное духовно-культурное содержание, придающие им особенность и отличие от других культур, эпох и т.д.

Основатель индивидуальной психологии А. Адлер считает, что в основе всех человеческих актов отображается единый жизненный план и его конечная цель: «...все психические силы целиком находятся во власти соответствующей идеи, и все акты выражения, чувства, мысли, желания, действия, сновидения и психопатологические феномены пронизаны единым жизненным планом. Из этой самодовлеющей целенаправленности проистекает целостность личности» [5, с. 26].

Опираясь на данные из собственной практики лечения психоневрозов, он отмечает, что в основе душевных движений, как правило, обнаруживается стремление к превосходству и связанный с ним идеал совершенства, часто невротически гипертрофированные, недостижимые, что указывает на фиктивность их природы, так как цель всеобщего превосходства и строящийся на его основе жизненный план возникают, по его мнению, как невротическая компенсация в ответ на чувство неполноценности, проистекающее из слабости самоутверждающейся психики ребенка.

Это стремление к власти и превосходству как всеобщая цель и жизненный план, несмотря на свою ложность и несоответствие действительности, однако являются действенной конструкцией, принимающей индивидуальный характер у каждого, некой искусной уловкой, формой компенсации чувства неполноценности, которые влияют на поведение индивида, проявляются в характере, амбициях, честолюбивых планах или, наоборот, цель может достигаться через послушание, скромность. Последние, более конкретные, конечные формы поведения, планы и цели, согласно Адлеру, тоже не случайны, а соответствуют жизненному плану, являясь его средствами. «Будь то художник, желающий быть первым в своем деле, или домашний тиран, молится ли он своему богу или унижает других, считает ли он свое страдание самым большим, перед которым все должны преклоняться, стремится ли он к недостижимым идеалам или разрушает прежних богов, старые рамки и нормы, на каждом участке его пути, им руководит страстное стремление к превосходству, мысль

о своем богоподобии, вера в свою особую волшебную силу. В любом он хочет ощущать свою власть над партнером, при выборе профессии это прорывается в преувеличенных ожиданиях и опасениях» [5, с. 28]. Стремление властвовать, превосходить Адлер рассматривает как жизненную глубинную установку, характерную черту всей культуры, исходную интенцию ее типичных представителей, а не только как проявление невроза. Последний представляет лишь форму неадекватного решения душевных противоречий, возникших на почве овладевших личностью установок власти, господства, с которыми она по каким-то причинам не справилась, не смогла овладеть ими как собственными силами, быть их субъектом.

Стремление к власти укоренилось и стало ведущей тенденцией не только в культуре Запада, оно характерно и для тоталитарных систем – независимо – западных или восточных. Там, где общее, тотальное, объединяющее начало, созданное самими людьми, например, государство, воспринимается ими как некий абсолютный субъект, стоящий над ними, покровительствующий и определяющий, каким должно быть каждому и что все должно соответствовать идеалам, нормам этого всеобщего начала, там устанавливается атмосфера подконтрольности всех, их поступков, образа жизни, мыслей, мировоззренческих ориентиров и даже душевного настроения общим требованиям. Проявление индивидуальности, обнаружение противоположных или иных личностных мотивов отрицательно оценивается и может пресекаться. Здесь ценностный смысл власти может выражаться тоже в виде различных мотивов, если не достижением положения в обществе через владения богатством, капиталом, то, возможно, продвижением по лестнице государственных должностей, осуществлением карьеры, достижением статуса авторитета. Конечно, содержание мотивов, выражающих ценностную интенцию, зависит сугубо от индивидуальных особенностей личности, ее понятий и представлений и того, каким ей видится смысл ее жизненной интенции и какой она хочет быть.

Надо отметить, что ценность, лежащая в основе жизни человека, вполне может осознаваться им, и если она отрицательна или античеловечна по содержанию, то часто сознательно скрывается им, и в таком случае цели, которые преследует данный индивид, он может выдавать как исходящие из альтруистических мотивов, придает им вид благородных и направленных на благо общества, во имя справедливости и т.п.

Таким образом, можно полагать, что глубинная ценностная установка жизни, творимая и свободно выбираемая каждым индивидом по своему, и формируемые в нем мотивы, которые, на мой взгляд, можно рассматривать как виды выражения его ценностных интенций, являются реальными, действенными, первичными силами субъекта, определяющими его цели, образ мыслей и характер действий, его своеобразное бытие, ответственность за которое несет он сам. Ценностный смысл и служащие ему мотивы дей-

ственны – независимо от того, осознаваемы они или нет – поскольку составляют духовно-душевное ядро человеческого Я, функционирующего как свобода, которое может пересмотреть себя, свое духовное содержание, может отказаться от своих прежних ценностей, изменить их, сделать своим духовным смыслом иную ценность, в корне изменить себя как реальность, изменив этим и свое бытие. Мотивы и цели могут стать иными соответственно тому, что теперь действительно в субъекте, составляет его реальность.

Литература

- 1 Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. – М.: Наука, 1989.
- 2 Рикер П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. – М., 1996.
- 3 Фромм Э. Иметь или быть?: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986.
- 4 Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.
- 5 Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995.

References

- 1 Freud S. Introduction to psychoanalysis: Lectures. – M.: Science, 1989.
- 2 Ricoeur P. Hermeneutika i psihoanalisis. Religiya i vera. – M, 1996.
- 3 Fromm E. Imet ili byt?: Perevod s angl. – M.: Progress, 1986.
- 4 Heidegger M. Evropeysky nihilizm // Vremya I Bytiye: statii I vystupleniya. – M.: Respublika, 1993.
- 5 Adler A. Praktika i teoriya individual'noi psihologii. – M.: Fond «Za Economicheskuyu gramotnost'», 1995.